

Философия Шегельмана

ЖИТЬ, ПРАЗДНУЯ КАЖДЫЙ ДЕНЬ

В январе рижские галеристы констатировали почти полное отсутствие продаж. Сейчас медленно, но верно коллекционеры возвращаются в выставочные залы. Как утверждает владелец галереи Birkenfelds Том Звирбулис, появилась новая генерация коллекционеров, которые регулярно покупают хорошие вещи. Сегодня искусство остается одной из немногих областей, куда стоит инвестировать средства.

В последнее время наметился возрастающий интерес к творчеству бывшего рижанина (и уже 35 лет гражданина Канады) Семена Шегельмана. Имя этого художника мало что говорит широкой публике. Георг Стражнов рассказывает его историю для наших читателей.

«В поисках радости».

Ligo.

Семен ШЕГЕЛЬМАН принадлежит к числу успешных художников на Западе, а из выпускников Латвийской академии художеств — уж точно. Он из тех немногих, кто ни дня не

работал вне своей профессии. Там, на Западе, это тоже редкость. Сегодня у него три арт-дилера, которые успешно продают его работы от Нью-Йорка до Лос-Анджелеса и от Женевы до Токио.

Семен сам признался, что с дилерами у него было одно условие: они должны обеспечить ему достойную жизнь. Те его поняли и согласились. За сколько они продают работы — его не интересует. В их апартаментах в центре Монреаля вы не увидите работ художника, поскольку каждое полотно находится в мастерской не более двух дней, пока не высохнет краска.

Сколько стоят его работы, художник и сам точно не знает. Скульптор Гоча Хускивадзе мне рассказывал, что однажды видел картину Шегельмана в одной из галерей нью-йоркского Сохо за 20 тысяч долларов, но это было лет 15 назад. Цена его графических листов в рижских галереях начинается где-то с 500 латов. Его живописные работы прошлых лет здесь встречаются нечасто.

Отъезд

Отъезд Шегельмана на Запад случился почти спонтанно, осенью 1975 года. Собирался ли Семен уезжать? Нет, я бы узнал об этом первым. Еще весной того года, когда мы провожали в Израиль одного знакомого, я открыто спросил его об этом, и он твердо ответил «нет». Хотя, как у каждого еврейского человека, у него была пара вызовов из Израиля «на всякий случай». В те годы дружба было то единственное, чем мы по-настоящему дорожили. Поэтому отъезд друга стал большой потерей.

Летом 1975-го у Семена в выставочном зале Дома художников торжественно открылась персональная выставка. К тому времени Шегельман уже был сложившимся мастером, со своим почерком и со своей темой в искусстве Латвии. Это была очень важная для него экспозиция, в ней он представил около ста графических листов последних лет, в частности, трагическую серию офортов «Памяти матери». В ней он изобразил драматические события своего детства, когда они с мамой и сестрой бежали под бомбежками из родного Бобруйска в мордовскую деревню, где и прошли его детские годы. Отец пошел на фронт добровольцем и был убит в первые же дни войны.

Тогда Семен придумал оригинальный способ экспозиции: графические листы были зажаты между двумя стеклами, прикрепленными к потолку тонкой проволокой. Острое стекло, как бы парящее в пространстве, придавало экспозиции дополнительный нерв, не позволяло зрителю расслабляться. Свидетельством этой выставки остались лишь кадры, снятые самым близким другом Семена, режиссером Ансисом Эпнерсом.

Через неделю выставку закрыли. Поводом послужил отзыв группы не то псковских, не то пензенских учителей, которые были возмущены мрачностью выставленных работ, как они писали, «в год, когда весь советский народ с радостью отмечает 30-летие Победы». Дирекция худфонда закрыла выставку, даже не предупредив автора об этом. Семен застал в зале лишь грудку сваленных в кучу стекол вперемешку с работами. Директору фонда он сказал только: «Вы должны были пойти до конца и сжечь все работы на костре». На следующий день Шегельман подал в ОВИР заявление на отъезд.

Единственный кто в те дни вел себя в этой истории смело и достойно, так это тогдашний председатель Союза художников Латвии Джемма Скулме. Она сердечно приняла Семёна и разрешила вывезти все, что он только пожелает.

«Влюбленные».

«Окно в Амстердаме».

Работа закипела. Семену дали на сборы 20 дней. За это время нужно было собрать кучу документов, съездить в Москву, получить визы, сдать вещи на таможню. Поэтому Семен попросил меня заняться подготовкой его работ к отправке. Я был тогда без работы и был рад помочь. Сотни графических листов надо было сфотографировать, напечатать снимки. А уже потом три вечера подряд в его мастерской в Доме художника мы вместе с директором Латвийского Национального музея Инарой Нефедовой сличали снимки с фотографиями и ставили на них штампы «К вывозу разрешено» и цену. По тогдашним законам Семен должен был оплатить все свои работы государству. Протокол оценки вела молодая студентка Академии художеств, а теперь сама директор этого музея, искусствовед Мара Лаце. Когда Семен вернулся из Москвы, графические листы были отштампованы и разложены по папкам, готовые к отправке.

Все работы Шегельмана, приобретенные Латвийским худфондом, вскоре были уничтожены. А в Национальном музее Нефедова не позволила этого сделать. Толстую пачку графических листов Семен оставил для подарков на память своим друзьям и знакомым.

Запомнился день отправки вещей. Бригада грузчиков была, как мы тогда шутили, изысканная: два кинорежиссера (Ансис Эпнерс и Герц Франк), скульптор Каруш Акопян и я. Семен еще шутил по этому поводу, что теперь я могу подрабатывать «евреем-консультантом» по отправке соотечественников в Израиль.

Прощальный вечер

В те времена сложилась определенная традиция проводов отъезжающих в Израиль. Люди приходили обычно в дом «отъезжанта» минут на 15, выпивали рюмку водки, что-то говорили хозяевам, вздыхали, желали удачи и затем раскланивались.

У Шегельманов все было не так. И в этом месте необходимо рассказать о жене Семена, Юлии, которая была не просто одной из самых ярких женщин Риги, но и прекрасной хозяйкой. Она настоящий гений общения. Шегельманы жили по принципу открытого дома, где всегда было полно

«Ностальгия».

гостей. В их квартире на Лачплеша, 14, останавливались многие известные люди того времени, в том числе Евгений Евтушенко и Григорий Поженян, Евгения Гинзбург и ее сын, начинающий тогда писатель Василий Аксенов. А многие представители московской и рижской театральной богемы приезжали в этот дом за просто.

На прощальный вечер пришли сливки рижской богемы. Тут были и Эпнерсы, и Земзарисы, и Никитины, и Акопьяны, и Дембо, искусствовед Светлана Хаенко, актер Виктор Плют и Текла Шайтере, теперь журналист «Диены», и многие другие. Люди веселились, пили, вспоминали прошлое, никто и не думал уходить. После полуночи подошли еще какие-то гости, было какое-то безумное веселье, ведь в то время люди прощались навсегда. На следующий день мы выехали в Брест на Венский поезд...

Рим и Канада

В Израиль Шегельманы не поехали. После Вены их перенаправили в Рим, где в течение трех месяцев они учили английский, пока им подыскивали страну проживания. За время «римских каникул» у Семена было две персональные выставки. Все работы на них были полностью рас-

«Трио».

проданы. Так что Семен и Юля смогли снять приличную квартиру в самом центре Рима у профессора искусств.

Семен и в Риме продолжал работать — делал наброски со знаменитых римских фонтанов. Сам министр

культуры Италии оказал ему свое покровительство и выдал пропуск во все музеи. Они вспоминают свою жизнь в не по-зимнему теплом Риме как сказку. Наконец, им предложили канадский Виннипег, и они согласились.

Dance.

«Вена».

Время, конечно же, все расставит по своим местам. Главное, что Семен Шегельман много и успешно работает, а интерес к его творчеству постоянно растет. На его работы есть спрос, а это значит, что он интересен современному миру.

Закончить этот материал хотелось бы отрывком из одного Юлиного письма, в котором она объяснила принципы их существования:

«Мы — невероятные реалисты, так нас жизнь научила! Мы верим только в то, что сегодня все пока прекрасно: погода, волшебное окружение нашего комфорта, бесконечные письма друзей (e-mails), звонки, наши тусовки, концерты, походы в потрясные ресторанчики. Мы верим в друзей — и пока никто не подвел! Мы верим в любовь человеческую, которая существует между единомышленниками, верим в места, которые сами облюбовали. Но... (это только касается лично нас!) — мы не пытались, не стремились, не прикасались к тому, чего нужно добиваться какими-то усилиями!

И не нужно быть похожими и принимать образ жизни других! Следуй тому, куда тебя ведет Судьба!

Были недавно в Голливуде. У Семы там прошла выставка. Но все это кто-то делал совершенно без нашего участия. Пару раз посетили несколько кинопавильонов, но с лишь друзьями, которые там были заняты. Навещая Лос-Анджелес, мы всегда прогуливаемся по этому затруханному Бульвару звезд (эту улицу привели наконец-то в более-менее сносный вид!), обедаем в местах, где все эти звезды обитают. Но я никогда не была поклонницей кого-либо, так что меня ничто из этого в экстаз не приводило!

Мы очень нормально и трезво смотрим на жизнь, не ожидая с неба звезд удачи... Мы просто живем, празднуя каждый день! Вот такова наша простая философия. Но... это не имеет права быть правилом для кого-то еще. Верись во что-то, знаешь, так и должно быть!»

Тогдашний Виннипег их встретил сурово. Этот современный с виду город с высотными зданиями и прекрасными парками в смысле искусства оказался глухой провинцией. После божественной Риги, где у Семена была масса почитателей и где работы его высоко ценились, он оказался в совершенном вакууме. Галереи отказывались брать его работы, а то, что выставлялось там, вызывало в нем уныние. Но, наконец, когда казалось, что уже нет никакой надежды, одна галерея вдруг откликнулась: ему предоставили квартиру с небольшой мастерской при условии, что Семен будет отдавать галерее три работы в месяц. Это был самый трудный период в их жизни. Но рядом с Семеном всегда была мудрая и самоотверженная Юлия, которая ни на минуту не допускала мысли, что к нему не придет успех в Новом Свете.

Настоящий успех действительно пришел, но уже в Торонто, куда они перебрались при первой же возможности. Монреаль появился в их жизни еще позже, когда они уже твердо стояли на ногах и могли свободно выбирать среду обитания. Они сразу влюбились в этот город, напоминающий их любимый Париж. Поскольку Монреаль находится во франкоязычной провинции Канады, они быстро овладели французским, и теперь оба свободно говорят на нем. В их доме опять много гостей, да и сами они — желанные гости во многих домах мира.

Другой Шегельман

Все творчество Семена теперь можно разделить на два периода — рижский и канадский. Здесь, в Риге,

осталось его графическое наследие — напряженное, порой трагичное. О тематике говорят названия серий: «В поисках радости», «Возвращение блудного сына», «Исход». Многие работы выполнены с применением совершенно новых графических приемов того времени. Семен, например, одним из первых в Союзе освоил технику серифагии.

В Канаде в нем открылся художник-живописец, изумившийся красоте мира, полный свободы и любви. Там он создал свой собственный живописный стиль, который один остроумный искусствовед назвал «неон-арт». Все его полотна пронизаны мерцанием огней ночных мегаполисов. Ему нравится изображать ночную жизнь любимых городов — Нью-Йорка, Рима, Парижа, Амстердама. Часто появляются и знакомые рижские мотивы — ворота во двор Конвента, улица Скарню, собор Св.Петра. Искусствоведы считают рижский период наиболее значительным и серьезным, а канадский — романтическим. Картины Семена сегодня обращены к тем, кто, несмотря на все несовершенство жизни, не разучился чувствовать ее поэзию и видеть прекрасное в ней.

Кроме живописи и графики еще в Риге Семен занимался интерьерными работами. Например, в Твери существует бар, который он совместно с Дмитрием Кудриным придумал и расписал фантастическими птицами в сводчатых палатах XVII века.

Теперь в Штатах ему заказывают интерьеры специально под его картины. Обычно это либо апартаменты где-нибудь на 5-й авеню в Нью-Йорке, либо в Беверли-Хиллз.